

*И.В. Демин**

ФЕНОМЕНОЛОГИЯ ИСТОРИЧЕСКОГО ОПЫТА Ф. АНКЕРСМИТА И ПРОБЛЕМА ИСТОРИЧЕСКОЙ РЕАЛЬНОСТИ

В статье анализируется концепция «исторического опыта» современного голландского философа Ф. Анкерсмита. Автор показывает, что Анкерсмит преодолевает классический историзм и связанную с ним методологию исторического исследования. Разработанная Анкерсмитом концепция исторического прошлого как прошлого, всегда уже соотносенного с каким-то моментом настоящего и всегда уже отличного, отличающегося от этого настоящего, открывает новые возможности для поиска методологических оснований исторического познания.

В последние десятилетия в европейской философии истории вновь стали актуальными, казалось бы, давно уже решенные вопросы о предмете исторического знания и о специфике исторического познания. Актуальность этих вопросов обусловлена так называемым «лингвистическим поворотом». Как пишет А. В. Суховерхов, «с середины XX века в связи с «лингвистическим поворотом» в историографии, приведшим к утверждениям о том, что историческая реальность дана только в виде языковых репрезентаций, в работах некоторых авторов ... история стала рассматриваться прежде всего как «лингвистическое образование», в котором грань между history и story стерта» [1, С. 553].

Новое понимание исторической реальности берет начало со статьи Р. Барта «Дискурс истории» [см.: 3]. Исторический текст, по мысли Р. Барта, не воссоздает объективную историческую реальность, но «создает эффект реальности»: «Исторический дискурс не следует реальности, а всего лишь обозначает ее» [3, С. 439]. Стоит заметить, что в указанной статье Барт только наметил направление, в котором должна двигаться новая философия истории, и проблемы, которые она должна решать. Подробную же разработку принципов новой философии и анализ стоящей перед ней проблем осуществил голландский философ Франклин Рудольф Анкерсмит в своей книге «История и тропология: взлет и падение метафоры» [см.: 2]. Показателем интереса к новой постмодернистской

*© Демин И.В., 2006

Демин Илья Вячеславович – кафедра философии гуманитарных факультетов Самарского государственного университета

историософии со стороны современных российских философов является большое количество исследовательских работ, в том числе, посвященных историософии Анкерсмита [см: 4, 5, 6, 8, 9]. Большинство этих работ, однако, носит обзорный характер. Мы же стремимся осветить наиболее оригинальную часть историософии Ф. Анкерсмита – его концепцию «исторического опыта» и найти в ней прояснение ключевой для постмодернистской историософии проблемы исторической реальности.

Характеризуя ситуацию, сложившуюся в историографии, Анкерсмит обращает внимание на феномен «перепроизводства исторических текстов». Он приводит такой пример: «Любой, кто приблизительно лет двадцать назад хотел проникнуть в существо политической философии Гоббса, нуждался в знакомстве только с двумя важными комментариями по этому поводу... Однако любому, кто в 1994 г. имел смелость попробовать сказать что-нибудь существенное о Гоббсе, сначала необходимо было проложить свой путь сквозь груды в двадцать – двадцать пять посвященных ему исследований, столь же старательно написанных, сколь и обширных... Кроме того, эти исследования обычно имеют столь высокое качество, что, конечно, никто не может позволить себе оставить их непрочитанными» [2, С. 316]. Отсюда Анкерсмит делает принципиальный вывод: *знание текста уже нельзя отличить от знания интерпретаций этого текста*. Эта грань между текстом и его интерпретацией оказалась стертой: «Из-за очевидной многочисленности интерпретаций оригинальный текст Гоббса постепенно утратил способность функционировать как арбитр в исторических дебатах». «Вследствие всех интерпретаций *сам* текст стал неопределенным, превратился в акварель, в которой линии красок проникают друг в друга. Это означает, что наивная вера в текст, якобы обладающий способностью предлагать решение проблем нашей интерпретации, стала столь же абсурдной, как и вера в данные погодного барометра» [2, С. 316]. (здесь и далее курсив Анкерсмита, подчеркнуто мной. – И. Д.).

Несмотря на то, что различие между исторической реальностью и исторической репрезентацией (репрезентацией исторической реальности) неуловимо, как неуловимо различие между репрезентацией исторической реальности и интерпретацией исторической репрезентации, Анкерсмит не считает возможным отказаться от самих понятий «историческая реальность» и «репрезентация исторической реальности». Но как возможна сама *историческая* репрезентация (репрезентация именно *исторической реальности*)? Ответ на этот вопрос дает концепция ностальгического опыта.

Обосновывая необходимость новой методологии исторического познания, Анкерсмит пишет: «Если в истории в последние несколько десятилетий можно наблюдать драматическое увеличение академических произведений, что предполагает появление нового режима в отношениях между исторической реальностью и ее репрезентацией в историописании, то эпистемология не должна упрямо сопротивляться этой эволюции как якобы отклонению от того, что

требуют логика или здравый смысл, но должна вместо этого обеспечить нас более современным «психоанализом» нового состояния умов в исторической дисциплине» [2, С. 354]. Но возникновение «нового режима» в отношениях между исторической реальностью и ее репрезентацией не должно вести к отказу историософии от самих этих понятий (исторической реальности и исторической репрезентации). «Несмотря на смерть или «убийство» эпистемологического Бога и несмотря на замену исторической реальности постмодернистским понятием историографической гиперреальности, – пишет Анкерсмит, – мы не можем редуцировать исторические исследования к произвольности простых представлений о прошлом... Пример историописания торопит нас проникнуть глубже в тайны феномена репрезентации вместо капитуляции перед ним» [2, С. 360].

Суть спора между историзмом и постмодернизмом Анкерсмит видит в трактовке исторического опыта, опыта исторической реальности: «Историисты интерпретируют процедуру исторического анализа как опыт независимо данной исторической реальности; постмодернистская теория изображения имеет сомнения относительно той автономии, которую историст приписывает реальности прошлого. Таким образом, реальный спор между истористом и постмодернистом касается природы исторического опыта и места исторической реальности в историческом освоении прошлого. Коротко говоря, можно задаться вопросом, оставляет ли постмодернистская теория историописания, в отличие от таковой же в историзме, место подлинности исторического опыта, то есть для аутентичного опыта прошлого, в котором прошлое все еще может утверждать свою независимость от историописания» [2, С. 365]. Здесь Анкерсмит вводит новое понятие исторического опыта, смысл которого пока не ясен, и ставит проблему: *как, благодаря чему прошлое может утверждать свою независимость от историописания*. Это значит, что заранее уже решено, что нечто напоминающее «независимое от историописания прошлое» должно быть. Мы не будем сейчас обсуждать, насколько правомерно в контексте постмодернистской историософии поднимать такую проблему «независимого от историописания прошлое», но посмотрим, как Анкерсмит эту проблему решает.

Ответ Анкерсмита таков: прошлое как таковое принципиально недостижимо, *у нас нет и не может быть непосредственного опыта исторической реальности, того, что было*; исторический («ностальгический») опыт – это не опыт исторической реальности, это *опыт различия* между тем, что прежде было, и тем, что теперь есть. «Ностальгический опыт прошлого..., – пишет Анкерсмит, – последовательно защищает недостижимость прошлого, уважает расстояние или различие, являющееся необходимым для возможности исторического опыта» [2, С. 375]. «Ностальгия отнимает у объекта ностальгического желания конкретное существование, которым он все еще обладал в контексте

истористского исторического опыта. Следовательно, истина в том, что мы в ностальгическом опыте исторически познаем не «прошлое непосредственно» (как задумано истористами), но различие или расстояние между настоящим и прошлым... Смотря иначе (с противоположной точки зрения), можно сказать, что ностальгия сообщает нам единство прошлого и настоящего: так, опыт различия требует одновременного присутствия того, что лежит на обоих концах различия, то есть и прошлого, и настоящего. В опыте различия прошлое и настоящее объединены. Однако оба они представлены только в их *различии* — и именно эта квалификация разрешает нам выразить парадокс единства прошлого и настоящего. Но в обоих случаях, предпочитаем ли мы видеть ностальгию как опыт различия или как единство прошлого и настоящего, различие становится центральным, в то время как прошлое и само настоящее уменьшены до простых производных феноменов. Прошлое больше не «реальный» объект, каким оно было для историзма. «Реальность», опытным путем познанная в ностальгии, и есть само различие, а не то, что лежит на другой стороне различия, то есть прошлое как таковое» [2, С. 374]. Таким образом, Анкерсмит признает возможность переживания (непосредственного переживания) не прошлого как такового, но различия между прошлым и настоящим. Различие – это то, что переживается в историческом опыте, а сам исторический опыт – это опыт различия, а не объекта. Различие, переживаемое в ностальгическом историческом опыте, *в одно и то же время объединяет и разъединяет прошлое и настоящее.*

Противопоставляя постмодернистское историописание модернистскому, Анкерсмит пишет: «Истористское прошлое есть прошлое «ясное и отчетливое», и поэтому историст прежде всего заинтересован теми особенностями прошлого, которые выражают или определяют эту ясность и отчетливость. Истористское историописание является наукой установлений границ и дистинкций между передним планом (важное) и задним фоном (незначительное). Дистинкция и различие для историзма являются прежде всего дистинкцией и различием в пределах *самого* прошлого. Ностальгическое различие, однако, является первостепенным различием между прошлым и настоящим, и это провоцирует одновременное таяние ясных линий и контуров, проектируемых историзмом на прошлое: различия в границах самого прошлого уступают место различиям между прошлым и настоящим» [2, С. 376]. Если в историзме различие – это различие между главными и второстепенными фактами исторического прошлого, то для постмодернистской историософии различие – это различие не между главными и неглавными фактами исторического прошлого, а *различие между самим прошлым и настоящим.* Но если различие между главным и второстепенным в границах самого исторического прошлого утрачивает для постмодернистской историографии актуальность, то утрачивается и критерий отбора исторических свидетельств: «постмодернист будет сопротивляться иерархизации реальности прошлого на основании того, что необходимо

и случайно» [2, С. 364]. Вместе с этим критерием отбора исторических фактов утрачивается и общезначимый характер исторического знания.

Анкерсмит показывает, что нет принципиальной разницы между опытом личного прошлого и опытом прошлого коллективного: «Наше *личное*, ностальгически запомненное прошлое не отличается категорически от прошлого, которое является или *коллективным* прошлым, или просто прошлым нескольких столетий, или тем и другим одновременно» [2, С. 381]. В основании всякого опосредованного знания об историческом прошлом лежит исходный опыт различия между прошлым и настоящим.

Постмодернизм, по мысли Анкерсмита, является радикализацией историзма, «последовательным историзмом, который больше не удовлетворен полуразрушенными зданиями, в которых был рад жить традиционный историзм» [2, С. 405]. Эта последовательность проявляется, например, в истории ментальностей, решающую характеристику которой Анкерсмит видит в том, что она находит свои новые объекты и ищет опыт различия в тех местах, где предыдущее историописание видело бы только *отсутствие* различия. «История ментальностей есть история любви, сексуальности, страха смерти и так далее (то есть тех аспектов человеческого существования, которые, как считалось, обладали относительным иммунитетом к историческим изменениям и квазиестественным постоянством)» [2, С. 410].

Подведем итог рассмотрению концепции «исторического опыта» Ф. Анкерсмита:

- «Историческая реальность» – это член оппозиции «прошлое-настоящее», которая открывается историографу в ностальгическом опыте.
- Историческая реальность – это всегда уже **репрезентируемая историческая реальность**. Историческая репрезентация (знак) замещает и обозначает историческую реальность.
- Различие между прошлым и настоящим – это не задним числом установленное различие между уже готовым прошлым и уже готовым настоящим; но прошлое – это всегда отличающееся-вот-от-этого-настоящего-прошлое, а настоящее – это всегда отличающееся-вот-от-этого-прошлого-настоящее.
- Историческое знание – это знание о прошлом, которое обнаруживается в ностальгическом опыте как отличное от этого настоящего.

Основной вывод Ф. Анкерсмита о том, что **в ностальгическом историческом опыте настоящее и прошлое присутствуют одновременно**, безусловно, порывает с классическим историзмом, который единственным объектом историографии видел «готовое и неизменное» прошлое. Порывает, но не радикально. Постмодернистская историософия Анкерсмита все-таки считает саму постановку проблемы объективного исторического знания правомерной, хотя и утверждает, что объективное знание о прошлом, открытом в ностальгическом опыте, «труднодостижимо».

Утверждение о том, что прошлое – это не готовое и завершённое прошлое, но всегда отличающееся-вот-от-этого-настоящего-прошлое, не несет в себе ничего специфически «постмодернистского». Оно вполне укладывается в парадигму модернистского историзма (хотя и не классического). В подтверждение этого тезиса сошлемся на современного российского философа, весьма далекого от постмодернизма, который приходит практически к тем же выводам, что и «постмодернист» Анкерсмит.

А.М. Анисов в самом начале своей статьи «Проблема истины и ценностей в историческом познании» вновь поднимает проблему, которая неоднократно рассматривалась в модернистской историософии и эпистемологии. Он спрашивает: «Совместима ли неизбежная ценностная нагруженность исторического знания со стремлением историка к объективной истине» [см: 1]. Сама постановка вопроса свидетельствует о том, что «объективная историческая истина» не представляет для А.М. Анисова проблемы.

В упомянутой статье Анисов опровергает то же самое «заблуждение» классического историзма, с которым боролся Анкерсмит: *нет никакого единого, готового, неизменного, раз навсегда данного прошлого; прошлое всегда соотносено с каким-то «метамоментом»*. «Нет никакого единого прошлого, общего для историков всех поколений, отличающихся друг от друга оценками одних и тех же событий. Решение проблемы не в том, чтобы констатировать, что историк *A* оценивает событие *C* иначе, чем живший в другое время историк *B*, и потому история – субъективная наука, а в учете расслоенности прошлого на несовпадающие между собой метамоменты. Историки разных поколений имеют дело с различной исторической реальностью, и потому необходимо оценивать их оценки, мысленно поместив себя в соответствующую реальность. Спор правомерен лишь в том случае, если его предмет обеими сторонами помещен в одну и ту же историческую действительность, например, действительность России последней трети XIX века. Если мы хотим полемизировать с Карамзиным и Соловьевым, мы должны (помня о нефиксированности будущего) при правильном подходе как бы забыть об истории следующего века» [1, С. 43]. (подчеркнуто мной, курсив Анисова. – И.Д.). Историки разных поколений, таким образом, имеют дело с *различной* исторической реальностью, но при этом они имеют дело все-таки с *реальностью*, о которой возможно *объективное истинное знание*.

В статье А. М. Анисова прояснены некоторые моменты, которые остались непонятными после рассмотрения феноменологии исторического опыта Анкерсмита. Что это за моменты?

- «Множественность» исторических реальностей не снимает проблемы объективного познания прошлого.
- Объективная историческая истина достижима.

- Объективная историческая истина, однажды добытая историографом, не может быть пересмотрена, переоценена или опровергнута последующими поколениями историков.

Но в то же время концепция «исторического опыта» Ф. Анкерсмита и уточняющая и дополняющая ее концепция «исторических метамоментов» А. М. Анисова оставляют нерешенной следующую принципиальную проблему. Как возможна полемика или вообще диалог между современным историографом и историографом прошедшей эпохи, например, Карамзиным? То условие, которое ставит перед современным историком А.М. Анисов («забыть» об истории последних двух веков), заведомо невыполнимо. Между тем, диалог между историографами различных поколений, различных метамоментов – **общепризнанный факт, который должен быть объяснен, а не отброшен**. Если бы все обстояло так, как пишет Анисов, исторические сочинения предшественников вообще не представляли бы для современных историков никакого **научного** интереса. В связи с этим возникает вопрос: как, благодаря чему возможен диалог между историографами, не принадлежащими к одному метамоменту, между историографами разных поколений? Но это уже отдельная самостоятельная проблема.

Библиографический список

1. Анисов, А.М. Проблема истины и ценностей в историческом познании / А.М. Анисов // CREDO NEW. Теоретический журнал. 2002. – № 2.
2. Анкерсмит, Ф.Р. История и тропология: взлет и падение метафоры / Ф.Р. Анкерсмит; – пер. с англ. М. Кукарцева, Е. Коломоец, В. Катаева. – М.: Прогресс-Традиция, 2003.
3. Барт, Р. Дискурс истории / Р. Барт // Система моды. Статьи по семиотике культуры. – М., 2003.
4. Гавришина О.В. История как текст / Рец. на кн.: Уайт Х. Метаистория. Екатеринбург, 2002 // НЛО. – 2003. – №59.
5. Гавришина О.В. Историческая наука в ситуации «постмодерна» / По материалам работы Ф.Р. Анкерсмита «Эффект реальности в трудах историков» (Обзор концепции) // Культура и общество в Средние века – раннее Новое время. Методол. и методики соврем. зарубежных и отечественных исслед.: сб. анализ. и реф. обзоров / РАН ИНИОН, РГГУ. – М.: ИНИОН, 1998.
6. Кукарцева, М. Ф. Анкерсмит и «новая» философия истории // М. Кукарцева Ф.Р. Анкерсмит // История и тропология: взлет и падение метафоры / пер. с англ. М. Кукарцева, Е. Коломоец, В. Катаева. – М.: Прогресс-Традиция, 2003.
7. Наука глазами гуманитария / отв. ред. В.А. Лекторский. – М., 2005.
8. Стрелков, В.И. К онтологии исторического текста: некоторые аспекты философии истории Ф.Р. Анкерсмита / В.И. Стрелков // Философия и современные проблемы гуманитарного знания. – М., 2000. Вып. 2.

9. Шилков, Ю.М. История как вымысел или о «новом историзме» / Ю.М. Шилков // Методология гуманитарного знания в перспективе XXI века. К 80-летию профессора Моисея Самойловича Кагана. Материалы международной научной конференции. 18 мая 2001 г. Санкт-Петербург. Серия «Symposium». Вып. 12. – СПб.: Санкт-Петербургское философское общество, 2001. – С. 265-274.

I.V. Demin

**THE PHENOMENOLOGICAL OF HISTORICAL EXPERIENCE BY F.
ANKERSMITH AND THE PROBLEM OF HISTORICAL REALITY**

In the paper the conception of «historical experience» introduced by a contemporary Dutch philosopher F. Ankersmith is analyzed. The author shows, that Ankersmith overcomes the classical historicism and its methodology of historical research. The concept of historical past as the past which is always related to some moment in the present and at the same time always differs from the present, worked out by Ankersmith, gives way to new possibilities in the search for methodological foundations at historical cognitions.